

Любовь

под грифом „Секретно“

Анна Делман

Анна Делман Любовь под грифом "Секретно"

<https://litres.ru/74326049>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кира Соболева — талантливый арт-директор, вкладывающая душу в каждый проект. Роман Белов — новый CEO, присланный спасти агентство от убытков. Он видит только цифры, она — искусство. Их первая встреча заканчивается скандалом, а судьба наказывает обоих: теперь им придётся делить один кабинет.

Стеклянная перегородка превращает жизнь в ад, но искры ненависти постепенно разгораятся в нечто большее. Вынужденная командировка в Казань, общий номер в отеле и опасный проект под прикрытием стирают границы. Роман и Кира начинают тайный роман, играя в шпионов в стенах офиса. Но когда фотография их поцелуя попадает в руки врагов, Роман делает выбор, который Кира считает предательством.

Сможет ли она узнать правду и простить? Или офисная война уничтожит единственное настоящее чувство? «Любовь под грифом Секретно» — история о том, что даже самое ледяное сердце способно оттаять, если рядом окажется тот, кто не боится обжечься.

Содержание

Глава 1. Увольнение	4
Глава 2. Стеклянная клетка	14
Глава 3. Задание под прикрытием	23
Глава 4. Командировка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Делман

Любовь под грифом "Секретно"

Глава 1. Увольнение

Кира Соболева ненавидела слово «дедлайн», но любила ту звенящую тишину, что наступала за пять минут до его наступления. Именно в этой тишине, под мерный гул серверов и приглушённый свет мониторов, рождалось то самое, ради чего она когда-то и пришла в креатив. И сейчас, в четвёртом часу ночи, опустевший опенспейс агентства «INSPIRE» принадлежал ей одной.

На огромном изогнутом экране её компьютера светился финальный макет. Ребрендинг сети кофеен «Утро» — проект, который она вынашивала два месяца. Кира откинулась в кресле, покрутила затёкшей шеей и позволила себе улыбнуться. Это была не просто смена логотипа. Она придумала целую философию: превратить стандартную сеть в «третье место» — убежище между домом и офисом, где пахнет корицей, а чашки греют ладони. Она даже притащила из дома старый бабушкин плед, чтобы сфотографировать его для мудборда — и теперь он небрежно свисал с её кресла, внося

в стерильный хай-тек толику живого тепла.

— Ну вот, — прошептала она, обращаясь к экрану, где вращался 3D-логотип: стилизованная буква «У», похожая на парящую птицу и на завиток пара от горячего кофе одновременно. — Ты прекрасен. И плевать, что скажет этот новый... как его там.

О новом исполнительном директоре в кулуарах шептались уже неделю. Говорили, что собственники переманили какого-то кризис-менеджера, безжалостного типа, который «режет кости» и «оптимизирует персонал» с ловкостью мясника. Кира надеялась, что он хотя бы разбирается в дизайне. Хотя бы не путает кернинг с кеглем. В конце концов, её отдел был лучшим. Цифры говорили сами за себя — за прошлый год они взяли три отраслевых премии, а клиенты молились на её чутё.

Кира нажала «Сохранить», сделала глоток остывшего латте и подошла к панорамному окну. Пятьдесят второй этаж. Москва-Сити переливался внизу неоновой рекой. Скоро наступит рассвет, и офис заполнится гулом голосов. Надо бы успеть домой, принять душ, переодеться... Но вместо этого она свернулась калачиком на диване в зоне отдыха, укрылась тем самым пледом и провалилась в сон на пару часов, прижимая к груди планшет с драгоценной презентацией.

Её разбудил шум. Не обычный утренний гул, а какой-то

особенный, взвинченный ритм шагов, звук передвигаемой мебели и нервный шёпот. Кира приоткрыла глаза и увидела, как старший менеджер Леночка, цокая шпильками, судорожно поправляет на стойке ресепшена цветочную композицию.

— Лен, землетрясение? — хрипло пошутила Кира, садясь и пытаясь пригладить растрепавшиеся каштановые волосы.

— Хуже, — одними губами произнесла Леночка, округлив глаза. — Белов приехал. На час раньше. И он... ну... он не в духе.

— Белов — это который?..

— Роман Викторович Белов. Новый СЕО. Кира, он уже в большом конференц-зале и требует все отчёты за квартал. И твой проект тоже.

Кира окончательно проснулась. От сна не осталось и следа. Она рывком встала, одёрнула мятую шёлковую блузку, мысленно проклиная себя за то, что не съездила домой. Ладно, она профессионал. Презентация готова, идея безупречна. Сейчас она быстро приведёт себя в порядок и явится во всеоружии.

Но быстро не получилось. Едва она добралась до своего стола, чтобы захватить папку с распечатками, как стеклянные двери конференц-зала с мягким шорохом разъехались, и оттуда вышел Он.

Роман Белов оказался именно таким, каким его рисовало Кирино воображение — и одновременно совершенно иным.

Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем темно-сером костюме, который явно стоил больше, чем весь её месячный бюджет на канцелярию. У него было холодное, словно выточенное из мрамора лицо, острый подбородок и тёмные волосы, уложенные с геометрической точностью. Но больше всего Киру поразили его глаза — светло-серые, почти прозрачные, смотрящие на мир с той особой усталой брезгливостью, которая свойственна людям, давно утратившим способность чему-либо удивляться.

Он не шёл — он двигался. Как айсберг, рассекающий океан. И этот айсберг направлялся прямо к ней.

— Соболева? — Голос у него оказался низкий, с металлическими нотками. Никаких тебе «доброе утро» и «приятно познакомиться».

— Допустим, — Кира вздёрнула подбородок. — А вы, как я понимаю...

— Белов. Роман Викторович. Пройдёте в зал, у нас общая планёрка через десять минут. Я хочу видеть ваш проект по «Утру» первым пунктом.

Она едва сдержалась, чтобы не фыркнуть. «Пройдёте» — сказал так, словно сделал ей одолжение.

— Я готова презентовать хоть сейчас, — ответила Кира, хватая со стола увесистую папку и планшет.

Роман скользнул взглядом по её помятому виду, задержался на бабушкином пледе, который она так и не убрала, и на огромном кактусе-эхинопсисе, притулившемся у монито-

ра. Ни один мускул на его лице не дрогнул, но Кире показалось, что в прозрачных глазах мелькнуло нечто вроде: «Боже, с кем мне придётся работать». Это её задело. Она гордо вскинула голову и прошествовала в конференц-зал.

Внутри уже собрался почти весь топ-менеджмент. Финансовый директор Эдуард Аркадьевич нервно перекидывал бумаги. Руководитель отдела маркетинга Олеся натянуто улыбалась. Все понимали — сейчас будет буря.

Роман встал во главе стола, но садиться не стал. Он оперся кончиками пальцев на стеклянную столешницу и обвёл присутствующих холодным взглядом.

— Итак, — начал он без предисловий. — Я изучил показатели за последние три месяца. И они, мягко говоря, не впечатляют. Агентство «INSPIRE» тратит слишком много ресурсов на непрофильные, убыточные проекты. С сегодняшнего дня мы меняем стратегию. Все бюджеты пересматриваются. В первую очередь — креативное направление.

Кира вздрогнула. Креативное направление — это она.

— Но позвольте, — подал голос Эдуард Аркадьевич. — У Киры Аркадьевны самый высокий рейтинг клиентской удовлетворённости...

— Мне плевать на удовлетворённость, которая не конвертируется в прибыль, — отрезал Роман. — Ваш отдел, Соболева, тратит на разработку на сорок процентов больше вре-

мени, чем заложено в смету. Это непозволительная роскошь. Я уже видел концепцию по «Утру».

Кира не поверила своим ушам. Он видел концепцию? Когда успел?

— Вы видели? — переспросила она, стараясь держать голос ровным. — И что же именно вы видели? Потому что я только этой ночью закончила финальный макет. И, поверьте, там каждый элемент выверен...

— Я видел смету, — перебил Роман, поднимая на неё глаза. — И видел результаты фокус-групп, которые ваш отдел заказал на прошлой неделе. Тридцать процентов опрошенных не увидели принципиальной разницы между новым логотипом и старым. Вы, Соболева, создаёте красивую картинку, которая не решает бизнес-задачу. Кофейни «Утро» теряют рыночную долю. Им не нужно «философское убежище», им нужно увеличить средний чек.

У Киры перехватило дыхание. Он даже не смотрел на визуал! Он судил по сухим цифрам фокус-группы, которая, к слову, была проведена наспех и на слишком маленькой выборке! Она хотела объяснить ему, что её задача — смена позиционирования, а не просто редизайн, что эмоциональная лояльность — это долгосрочная инвестиция, что нельзя мерить всё только чеком... Но слова комом застряли в горле.

— Я принял решение, — продолжил Роман, и его голос прозвучал как удар молотка. — Бюджет креативного направления урезается на сорок процентов. Проект «Утро» бу-

дет завершён силами вашего отдела, но в усечённом варианте. Никаких дополнительных иллюстраторов, никакой дорогой 3D-анимации. Вы получаете срок — две недели и ровно столько средств, сколько я утвержу. Если не укладываетесь — проект передаётся на аутсорс.

В конференц-зале повисла тишина. Все смотрели на Киру. Она почувствовала, как кровь приливает к щекам. Усечённый вариант? Её проект, в который она вложила душу, ночей не спала, выстраивала концепцию от ценностей бренда — просто уничтожить, урезав бюджет, словно это не произведение искусства, а таблица в Excel?

— Это безумие, — тихо, но отчетливо произнесла она.

— Что, простите? — бровь Романа едва заметно приподнялась.

— Я говорю, это безумие! — Кира встала со своего места, глядя прямо в эти ледяные серые глаза. — Вы не видели концепцию, вы не говорили со мной, вы не дали ни единого шанса! Вы просто пришли сюда, даже не разобравшись, и разрубаете всё, словно... словно терминатор какой-то! Вам вообще знакомо слово «творчество»? Или ваша душа — это балансовый отчёт?

Она говорила громко, и тишина в зале стала звенящей. Леночка за дверью замерла, прижав палец к губам. Роман не шелохнулся. Только желваки на скулах обозначились резче. Он выдержал паузу — ровно столько, чтобы Кира осознала весь масштаб своего публичного бунта, — а затем произнес

ледяным тоном:

— Вам знакомо слово «субординация», Соболева? Ваше личное мнение о моей душе меня не интересует. Пока вы работаете в этой компании, вы будете подчиняться правилам. И первое правило — эффективность. А то, что вы называете творчеством, — не более чем дорогой декор, который не приносит денег. Вы свободны. Планёрка окончена.

Он кивнул в сторону двери, давая понять, что разговор с ней завершён. Кира стояла, сжимая в руках папку так, что побелели костяшки. Её трясло. Уволит? Ну и пусть! Пусть увольняет! Лучше уйти сейчас, с гордо поднятой головой, чем смотреть, как её труд смешивают с грязью!

Но вместо слов об увольнении Роман уже переключился на финансового директора, обсуждая что-то о дебиторской задолженности. Кира поняла, что её попросту вычеркнули из эфира. Развернувшись на каблуках, она вылетела из зала, чувствуя, как предательски дрожат губы.

Весь оставшийся день прошёл как в тумане. Кира сидела за своим столом, тупо глядя на экран, где вращался её прекрасный, никому не нужный логотип. Коллеги обходили её стороной, бросая сочувственные взгляды. Она понимала, что пересекла черту, но злость внутри не утихала. Как он смел? Терминатор проклятый!

Ближе к пяти вечера к её столу подошла Валентина, ме-

неджер по персоналу — пожилая дама с причёской «халой» и вечно виноватым лицом.

— Кирочка Аркадьевна, — Валентина нервно теребила папку, явно не решаясь начать. — Тут такое дело... распоряжение сверху.

— Ну давайте, Валентина Петровна, не тяните, — устало отозвалась Кира, уже представляя себе приказ об увольнении. Что ж, она была готова. Сейчас скажет «спасибо, я сама хотела уйти» и хлопнет дверью.

— Вас... переводят, — выдохнула Валентина и положила перед Кирой лист бумаги. — В связи с оптимизацией офисного пространства. Ваше рабочее место отныне будет располагаться в кабинете исполнительного директора. То есть... в кабинете Романа Викторовича Белова.

Кира замерла. Ей показалось, что она ослышалась. Переводят? В кабинет к Белову?

— Что, простите? — переспросила она севшим голосом.

— Офис переполнен, — затараторила Валентина, словно оправдываясь. — Новый департамент аналитики займёт ваш бывший блок. А кабинет у Романа Викторовича просторный, он сам... ну, он не возражает. Стеклянная перегородка уже установлена. Вещи помогут перенести, вот Женя из хозотдела.

Кира перевела взгляд туда, где у лифта стоял Женя с пустой коробкой и извиняющейся улыбкой. Значит, это не увольнение. Это ссылка. В стеклянную клетку к Терминато-

ру. Личный ад на пятьдесят втором этаже.

Она опустила глаза на приказ. Подпись Романа Белова уже стояла внизу — твёрдая, как штык, линия.

Кира медленно выдохнула, пытаясь унять дрожь. Значит, ему мало было уничтожить её проект, теперь он хочет контролировать её лично? Или это изощрённая месть за «Терминатора»?

— Хорошо, — произнесла она, и голос прозвучал на удивление спокойно. — Собирайте вещи. Только учтите: мой кактус поедет со мной. И плед тоже.

Валентина облегчённо закивала. А Кира, схватив огромный горшок с колючим эхинопсисом, решительно направилась к кабинету, где за прозрачными стенами, склонившись над бумагами, сидел человек, с которым ей предстояло теперь делить каждый рабочий день.

И, как она подозревала, каждую битву в этой бесконечной войне.

Глава 2. Стеклянная клетка

Женя из хозотдела, молодой парень с вечно сонным лицом и наушниками, болтающимися на шее, нёс за Кирой коробку с канцелярией так бережно, словно внутри была по меньшей мере королевская корона. Кира шагала впереди, прижимая к груди горшок с кактусом, а на сгибе локтя у неё болтался клетчатый плед.

Она чувствовала на себе взгляды коллег, которые делали вид, что поглощены работой, но на самом деле с жадным любопытством следили за процессией. Ещё бы — такое шоу! Опальный арт-директор, устроившая публичный бунт, идёт напрямиком в логово нового босса. Ставки в офисном чате, который Кира мысленно представила, наверняка принимались на то, сколько она продержится.

— Вот сюда, Кира Аркадьевна, — пробормотал Женя, кивая на стеклянную дверь с табличкой «Исполнительный директор. Р. В. Белов». — Я вам помогу всё расставить.

— Спасибо, Жень, дальше я сама, — ответила Кира с улыбкой, в которой читалась решимость идущего на эшафот.

Дверь отъехала в сторону плавно и бесшумно, открывая просторное помещение. Кабинет был раза в три больше предыдущего закутка Киры. Огромное панорамное окно заливало его светом угасающего дня. Вдоль стены — стеллажи с папками, у окна — монументальный стол Романа из тёмно-

го дерева. А чуть поодаль, ближе к двери и к стеллажам, сияла новенькая стеклянная перегородка, за которой притулился стол явно меньшего размера, стул и пустая тумба. Стекло было абсолютно прозрачным, без единой матовой полосы. Никакой приватности. Идеальный аквариум.

Сам Роман уже сидел за своим столом и, казалось, совершенно не замечал вторжения. Его взгляд был прикован к монитору, длинные пальцы порхали по клавиатуре. На Киру он не поднял глаз, лишь сухо произнёс:

— Ваше место за перегородкой. Постарайтесь располагаться тихо.

Кира сжала зубы, но ничего не ответила. Прошествовала в свой новый загон. Стол был девственно пуст, если не считать новенького стационарного компьютера и тонкой стопки бумаг — видимо, её текущие задачи. Она водрузила кактус прямо по центру, так, чтобы его колючий силуэт неизбежно попадал в поле зрения Романа, если тот поднимет взгляд. Следом она бросила на спинку стула свой плед и принялась распаковывать коробку.

Женя хотел помочь расставить папки, но Кира поблагодарила и выпроводила его. Она хотела остаться с врагом один на один. Точнее, через стекло.

Минут пятнадцать она демонстративно шуршала бумагой, раскладывала маркеры, блокноты и прочие атрибуты творческого хаоса. Роман продолжал игнорировать её, изредка перелистывая страницы какого-то договора. Тишина

стояла такая, что слышно было, как на пятьдесят втором этаже гудят вентиляторы серверов где-то в техническом крыле.

Наконец Роман поднял голову.

— Соболева, — его голос разрезал тишину как скальпель. — Ознакомьтесь с правилами совместной работы. Я отправил их вам на почту. Кратко: никакой музыки, в том числе в наушниках, если она просачивается наружу. Никаких личных вещей, кроме минимально необходимых. Никаких громких разговоров по телефону. Обед строго по расписанию, личные звонки — за пределами кабинета. Вопросы есть?

Кира медленно повернулась на стуле и уставилась на него сквозь стеклянную стену. Её губы тронула ироничная усмешка.

— Только один, Роман Викторович. А дышать можно? Или у вас и на кислород лимит установлен?

Он не удостоил её ответом, только едва заметно сузил глаза и вернулся к документам. Кира восприняла это как молчаливое «пока что можно».

— Ясно, — пробормотала она себе под нос и демонстративно придвинула к себе старую, выдавшую виды механическую клавиатуру, которую носила с собой ещё с прошлого места работы. Не модная мембранная «клава» с мягким шёпотом, а самый настоящий «кликер» с высокими кнопками, издававший при нажатии звук, напоминающий работу печатной машинки. Она подключила её к компьютеру, и ка-

бинет тут же наполнился чёткими, ритмичными щелчками.

Клик-клик-клик-так. Клик-клик-клик-так.

Роман замер. Его пальцы застыли над клавиатурой. Кира продолжала печатать с утроенной скоростью, старательно изображая погружение в работу. Звук разносился по кабинету гулко и раздражающе.

— Соболева, — произнёс Роман, не поворачивая головы.
— Что это за звук?

— Профессиональный инструмент, — невинно ответила Кира, не прекращая стучать. — Мне так удобнее думать. Это арт-директорская клавиатура, она развивает креативность. Вы же не хотите, чтобы я тормозила мыслительный процесс?

Она не видела, но готова была поклясться, что Роман скрипнул зубами. Однако он снова промолчал. Видимо, решил, что связываться с ней сейчас — только подливать масла в огонь. Кира торжествовала молча. Один-ноль в её пользу.

Первая половина дня прошла в гробовой тишине, нарушаемой только щелчками её клавиатуры да редкими звонками Роману по рабочему телефону. Он разговаривал коротко, рублено, отдавая чёткие приказы. Один раз в кабинет заглянула Леночка с каким-то отчётом, испуганно покосилась на Киру за стеклом и быстро ретировалась, оставив папку на краю стола Романа.

Кира пыталась работать. Ей нужно было реанимировать урезанный проект «Утро», перекроить всё так, чтобы уложиться в жалкие гроши. Но мысли путались. Она то и де-

ло ловила себя на том, что исподтишка разглядывает своего мучителя. Он сидел вполоборота, и в лучах дневного света его профиль казался высеченным из камня. Интересно, он вообще человек? Или андроид, которого прислали акционеры, чтобы окончательно убить в агентстве душу?

Ближе к обеду Роман поднялся и вышел из кабинета, ни слова не сказав. Кира выдохнула с облегчением и потянулась. Без него воздух в кабинете будто стал легче. Она достала из сумки контейнер с салатом, включила на планшете тихую инструментальную музыку (в конце концов, он сказал «никакой музыки, которая просачивается наружу», а в наушниках никто не услышит) и принялась жевать, разглядывая Москву-Сити за окном.

Когда Роман вернулся, от него едва уловимо пахло дорогим парфюмом и кофе. Он снова уткнулся в монитор, и тишина возобновилась.

Кира решила, что сегодня вечером уйдёт пораньше. Хватит с неё ночных бдений. Но когда стрелки перевалили за шесть, она заметила, что Роман и не думает собираться. Наоборот, он разложил на столе какие-то графики и погрузился в них с головой. Кира из принципа тоже не спешила уходить. Она не собиралась показывать слабость.

К половине восьмого офис окончательно опустел. За стеклянными стенами кабинета погасили основной свет, оставив только дежурное освещение. Кира уже собиралась выключить компьютер и гордо прошествовать мимо Романа, поже-

лав ему «удачно посчитать циферки», как вдруг заметила, что он откинулся в кресле, снял пиджак и ослабил узел галстука. А потом достал из ящика стола небольшую рамку и поставил перед собой.

Кира замерла. Она находилась за стеклом, частично скрытая своим монитором, и он вряд ли её видел. Роман нажал несколько кнопок на ноутбуке, и на экране запустился видеозвонок. Через пару секунд раздался старческий, но бодрый женский голос. Он включил громкую связь, видимо, думая, что совсем один.

— Ромушка! Ну наконец-то! Я уж думала, ты забыл про мать.

Кира затаила дыхание. Ромушка? Голос принадлежал явно пожилой женщине. Матери. Той самой, которую она мельком видела во время прошлого разговора.

— Прости, мам, день был сумасшедший, — ответил Роман, и его голос... изменился. Из него исчезли металлические нотки, он стал мягче, теплее, в нём прорезалась усталая нежность. — Как ты? Давление мерил?

Кира осторожно выглянула из-за монитора. Роман смотрел в экран ноутбука с улыбкой. Не дежурной вежливой гримасой, которую он выдавал на совещаниях, а самой настоящей, открытой улыбкой, от которой вокруг его глаз собрались лучики-морщинки. Его лицо, обычно напоминавшее мраморную статую, вдруг стало живым, тёплым, почти беззащитным.

— Мерила, мерила, — ворчала женщина в динамиках. — Ты мне лучше скажи, поел ли ты? Опять одним кофе питаешься? Я тебе пирожков передала с Васильевной, она завтра в Москву едет, встретить её у Курского вокзала, не забудь.

— Не забуду, мам. И пирожки твои обожаю. Спасибо, — Роман по-прежнему улыбался, а его пальцы бессознательно касались рамки с фотографией. — Слушай, я хотел тебе сказать: помнишь того врача, про которого я узнавал? Записал тебя на приём на следующей неделе. Съездим вместе.

Кира смотрела, забыв, как дышать. Перед ней сидел совершенно другой человек. Не безжалостный кризис-менеджер, не «Терминатор» из конференц-зала, а заботливый сын, который волнуется о здоровье матери и способен улыбаться так, что щемит сердце.

— Ой, да брось ты, Ромушка, всё у меня нормально. Ты о себе-то подумай. Женился бы уже, а? Что ты всё один да один...

— Мам, — в голосе Романа послышалась лёгкая досада, но без раздражения. — Давай не сейчас.

— А когда? Мне внуков понянчить охота, — засмеялась женщина. — Ладно, не буду тебя мучить. Иди, работай, только не засиживайся допоздна. И пирожки не забудь!

— Не забуду, мам. Люблю тебя. Спокойной ночи.

— И я тебя, сынок.

Звонок завершился. Роман ещё несколько секунд смотрел в погасший экран, а потом провёл ладонью по лицу, слов-

но стирая с него выражение теплоты. Плечи его снова расправились, подбородок вздёрнулся. Он убрал рамку в ящик, застегнул манжеты и вновь превратился в непроницаемого СЕО.

Кира, спохватившись, тихонько отодвинулась в тень. Её сердце колотилось где-то в горле. Она чувствовала себя так, словно подсмотрела что-то глубоко личное, запретное, то, что Роман Белов никогда бы не показал дневному свету. И это открытие совершенно выбило её из колеи.

Значит, он всё-таки человек. Не андроид. У него есть мать, которую он любит и которая называет его «Ромушкой». Он способен на нежность. Так почему же он так старательно прячет эту часть себя за бронёй из холода и цинизма?

Кира тихо, почти крадучись, собрала вещи. Ей хотелось уйти незамеченной, раствориться раньше, чем он поймёт, что она всё слышала. Она отключила компьютер, взяла сумку и на цыпочках двинулась к выходу, надеясь, что стеклянная перегородка скроет её движение.

Но когда её рука уже легла на дверную ручку, Роман вдруг заговорил, не оборачиваясь:

— Соболева.

Кира вздрогнула и замерла. Чёрт. Заметил.

— Да? — отозвалась она, стараясь, чтобы голос звучал как можно более буднично.

— Завтра в девять совещание по вашему проекту. Не опаздывайте.

— Я никогда не опаздываю, — бросила она и выскользнула за дверь.

Только в лифте, прислонившись спиной к прохладной зеркальной стене, она позволила себе выдохнуть. В голове царил сумбур. «Ромушка». «Внуков понянчить». «Люблю тебя». Этот человек уничтожил её бюджет, загнал в стеклянную клетку и, кажется, не испытывает ни капли раскаяния. Но теперь Кира знала то, чего не знал никто в этом офисе. Там, за бронёй, прячется кто-то другой.

И это делало войну с ним намного сложнее.

Кактус остался на её столе — колючий, вызывающий, молчаливый союзник. Завтра они снова встретятся в своей стеклянной клетке. Но Кира вдруг поняла, что уже не сможет просто ненавидеть его. Ей придётся разгадывать эту загадку. А это было куда опаснее.

Она поймала своё отражение в зеркальной стене лифта и покачала головой:

— Ну что, Кира, ты влипла.

Глава 3. Задание под прикрытием

Утро началось с мелкого, но неприятного сюрприза: будильник не прозвенел, а на телефоне села батарея. Кира подскочила в постели, когда за окном уже вовсю шумел город, а часы на стене показывали без пятнадцати девять. Она чертыхнулась, наспех умылась, влезла в джинсы и любимый растянутый свитер и вылетела из квартиры, даже не допив кофе. О том, чтобы выглядеть «согласно корпоративному дресс-коду», речи не шло. В конце концов, Роман Белов вчера видел её с пледом и кактусом — терять ей было нечего.

В офис она ворвалась ровно в девять ноль две, растрёпанная и запыхавшаяся. Леночка на ресепшене проводила её сочувственным взглядом, а Женя из хозотдела, попавшийся навстречу с тележкой, нагруженной бумагой, едва успел отскочить. Кира пробежала через опенспейс, чувствуя на себе любопытные взгляды, и влетела в кабинет, ожидая ледяного замечания от Романа.

Но кабинет был пуст. Только её кактус одиноко маячил за стеклянной перегородкой, а на столе Романа лежала раскрытая папка и стояла нетронутая чашка кофе, над которой ещё поднимался пар. Кира нахмурилась. Где он? В совещание же опаздывает сам! Она бросила сумку на стул, включила компьютер и попыталась привести мысли в порядок.

Через пару минут дверь распахнулась, и вошёл Роман. Он

был, как всегда, безупречен — тёмно-синий костюм, идеально отглаженная рубашка, галстук цвета мокрого асфальта. Но выражение лица у него было не холодно-надменное, а скорее сосредоточенное и какое-то даже взволнованное. Он быстро взглянул на Киру, скользнул по её джинсам и свитеру глазами, полными с трудом скрываемого осуждения, но комментировать не стал. Вместо этого бросил:

— Соболева, зайдите. Срочное совещание.

Кира удивилась. Обычно он говорил «пройдёмте» или «будьте добры», а тут — просто «зайдите». И без колкостей про её внешний вид. Что-то случилось. Она подхватила блокнот и ручку и прошла за ним через дверь, соединявшую их секции кабинета. Роман уже стоял возле своего стола, где расположился ещё один человек — Альберт Штейн, пожилой юрист агентства, которого Кира видела пару раз на крупных сделках. Он нервно протирал очки замшевой салфеткой.

— Присаживайтесь, — Роман кивнул на стул напротив. — Альберт Львович, введите Киру Аркадьевну в курс дела.

Юрист водрузил очки на нос, прокашлялся и раскрыл перед ними тонкую, но явно очень ценную папку с логотипом их агентства под грифом «Строго конфиденциально».

— Сегодня в шесть утра по закрытому каналу поступил запрос, — начал он, понизив голос, хотя в кабинете, кроме них, никого не было. — Клиент пожелал остаться неизвестным на данном этапе, но наши партнёры из Казани подтвер-

дили его серьёзность. Речь идёт о крупном семейном бизнесе — сети производств и магазинов традиционной татарской выпечки «Дом Бадретдина». Владелец, господин Бадретдинов Равиль Ахметович, желает провести полный ребрендинг. Новая концепция, новый визуал, выход на федеральный уровень. Однако в семье существуют... разногласия. Старшее поколение против перемен, считает, что менять надо только ассортимент, а традиционный облик бренда — это святое. Равиль Ахметович же понимает, что без обновления бизнес задохнётся. Поэтому он приглашает нас инкогнито, под видом консультантов по безопасности и аудиту производственных процессов. Наша задача — изучить компанию изнутри, собрать инсайты, познакомиться с историей, атмосферой, продуктом и предложить креативную платформу. Всё должно оставаться в тайне до утверждения финальной концепции. Если информация просочится раньше времени, проект будет сорван, а мы потеряем не только клиента, но и репутацию на целом региональном рынке.

Кира слушала с нарастающим волнением. С одной стороны, всё это напоминало шпионский роман, и её сердце забилось быстрее от предвкушения настоящей творческой охоты. С другой — она сразу поняла, зачем её позвали.

— Вы хотите, чтобы я поехала в Казань? — прямо спросила она, глядя на Романа.

Тот коротко кивнул.

— Именно. Мне нужен специалист, который способен не

просто оценить визуал, но почувствовать дух места, услышать то, что не говорят словами. Все ведущие дизайнеры сейчас загружены проектами, которые нельзя остановить. Вы, Соболева, единственный арт-директор с необходимым профилем и, что немаловажно, с опытом работы в полевых условиях.

Кира моргнула. Это был почти комплимент. Почти. Но она тут же насторожилась.

— А кто будет моим прикрытием? — спросила она. — И что мне делать с проектом «Утро»? Вы же сами урезали бюджет, сроки горят...

— Проект «Утро» вы передадите своему старшему дизайнеру на две недели, — отрезал Роман. — Я уже дал соответствующие распоряжения. А прикрытие... — он сделал паузу и чуть заметно усмехнулся, что выглядело на его мраморном лице почти пугающе. — Прикрытием для вас буду я. Мы летим сегодня вечером. По легенде, я — руководитель отдела безопасности холдинга, а вы — мой личный ассистент. Поэтому, будьте добры, надеть что-нибудь... соответствующее. Деловой костюм, минимум креатива. И никаких кактусов.

Кира открыла рот, чтобы возмутиться, но юрист Альберт Львович поспешно вставил:

— Кира Аркадьевна, поверьте, это большая честь и ответственность. Господин Белов лично будет курировать проект с нашей стороны. Уровень секретности беспрецедентный. Вы будете работать в тесной связке.

«В тесной связке» — это прозвучало почти как издёвка. Кира представила себе две недели в обществе Романа Белова, да ещё и в роли его «личного ассистента», и ей захотелось закричать. Но вместо этого она глубоко вздохнула и спросила:

— Что я получу взамен? Вы отняли у меня бюджет, уничтожили мою концепцию, а теперь хотите, чтобы я бросила всё и летела непонятно куда? С чего мне соглашаться?

Роман посмотрел на неё в упор. И в его холодных глазах мелькнуло что-то новое — не раздражение, а скорее вызов.

— Потому что, Соболева, вы профессионал, — тихо сказал он. — И я знаю, что вы не откажетесь от возможности создать что-то по-настоящему значимое. К тому же... это шанс доказать, что ваше «творчество», как вы его называете, способно приносить прибыль. Без дополнительных бюджетов, без ночных бдений. Только вы и реальный бизнес. Справитесь?

Кира выдержала его взгляд. Внутри у неё всё дрожало от злости, азарта и странного, необъяснимого чувства, похожего на восхищение его дерзостью.

— Я справлюсь, — ответила она, поднимаясь. — Но только, Роман Викторович, запомните: я не ваша личная ассистентка. Я арт-директор. И играть роль секретарши буду ровно настолько, насколько это нужно для дела. Терпеть ваши командирские замашки вне работы я не собираюсь.

Роман чуть прищурился, но возражать не стал. Только ко-

ротко бросил:

— Самолёт в двадцать ноль-ноль. Билеты уже на почте. Сборы — минимум вещей. Всё остальное получите на месте. И да, Соболева... действительно, наденьте костюм.

Кира резко развернулась и вышла из кабинета. В висках стучало. Приключение, о котором она втайне мечтала, свалилось на неё как снег на голову, и в компании самого невыносимого человека на свете.

Дома она металась по квартире, распахнув настежь шкаф. Деловой костюм! Где его взять, если весь её гардероб состоял из трикотажных платьев, свободных свитеров, рваных джинсов и одной-единственной юбки-карандаша, купленной на выпускной в универе и безнадёжно устаревшей? В недрах шкафа нашёлся брючный костюм тёмно-зелёного цвета — подарок мамы на прошлый Новый год, который Кира ни разу не надевала, считая слишком «официальным». Она покрутилась перед зеркалом, придирчиво оглядывая себя. Жакет сидел неплохо, брюки тоже, но чего-то не хватало. Ах да, блузка! Пришлось пожертвовать любимой шёлковой блузкой кремового цвета, которую она обычно надевала на свидания. Кира застегнула её под горло, добавила минималистичные серьги-гвоздики и собрала волосы в строгий пучок. Из зеркала на неё смотрела совершенно незнакомая, серьёзная молодая женщина, чем-то неуловимо похожая на

бизнес-леди.

— Ну вот, — пробормотала она, разглядывая себя. — Ассистентка. Скажешь тоже, Белов.

Сборы заняли час. В небольшой чемодан полетели удобная обувь, пара свитеров, джинсы — на случай, если «ассистентке» дадут увольнительную — и альбом для эскизов. Кира покосилась на лежащий на комодке кактус в миниатюрном горшочке (отросток того самого, офисного), секунду поколебалась и сунула его в боковой карман чемодана. В конце концов, Роман сказал «никаких кактусов», но это был не тот кактус, который он имел в виду. И вообще — её личное.

В аэропорт она приехала за полтора часа до вылета, нервная и взвинченная. В руке — кофе навынос, на плече — сумка с ноутбуком. Роман ждал её у стоек регистрации — высокий, прямой, в светло-сером пальто поверх костюма и с элегантным кожаным портфелем. Завидев Киру, он окинул её быстрым оценивающим взглядом, и на секунду в его глазах промелькнуло нечто вроде одобрения. Но вслух он сказал только:

— Уже лучше. Хотя пуговицу на жакете лучше застегнуть. Мы представляем серьёзную компанию.

Кира стиснула зубы, но пуговицу застегнула.

— Рада, что вы оценили мои усилия, босс, — процедила она, нарочито выделяя последнее слово.

Роман проигнорировал сарказм и протянул ей папку с документами.

— Здесь легенда. Изучите в самолёте. Ваше имя — Анна Семёнова, вы мой личный помощник по организационным вопросам. Владаете базовыми знаниями в области пищевой безопасности, проходили стажировку в Москве. Держитесь уверенно, но не высовывайтесь. Все вопросы, касающиеся креатива, задаю я, а вы только записываете и делаете вид, что вас интересуют исключительно графики и отчёты.

— А если меня спросят про «Утро»? — Кира не удержалась от шпильки. — Или про то, какво работать с таким начальником?

— Скажете, что работа с Романом Викторовичем — это ценный опыт, — без тени улыбки ответил он. — И не забудьте, мы не знакомы лично до этой поездки. Вы — новый сотрудник. Никаких эмоций.

Кира едва не фыркнула. Никаких эмоций! С этим человеком эмоции просто зашкаливали, причём преимущественно гнев. Но она послушно кивнула и взяла папку.

Посадка прошла быстро. В самолёте им достались места в бизнес-классе, что стало для Киры приятным сюрпризом. Она устроилась у окна, пристегнула ремень и разложила бумаги на коленях. Роман сел рядом, заняв подлокотник и сразу же уткнувшись в свой планшет. Некоторое время они летели в молчании, только гудели двигатели и шелестели страницы.

Первые признаки турбулентности Кира заметила, когда самолёт начал слегка подрагивать. Она привыкла к перелё-

там и не обращала на это внимания, но боковым зрением заметила, как пальцы Романа вдруг сжались на подлокотнике, а сам он замер, уставившись в одну точку. Его лицо, обычно такое бесстрастное, на миг исказилось напряжением.

— Роман Викторович? — негромко позвала Кира. — Всё в порядке?

— Да, — коротко ответил он, но голос прозвучал глухо, а костяшки пальцев побелели от напряжения.

Самолёт тряхнуло сильнее, и по салону прошелестел взволнованный шёпот пассажиров. Кира видела, как желваки на скулах Романа заходили ходуном. Ей вдруг стало его почти жаль — такого собранного и неуязвимого снаружи, но явно охваченного паникой внутри.

Она импульсивно отложила папку и слегка коснулась его рукава.

— Эй, — тихо сказала она, — это просто воздушные ямы. Пилот сказал, через пару минут всё закончится. Хотите, я вас отвлеку? Могу рассказать анекдот. Правда, у меня их всего два, и оба неприличные, но для дела можно и потерпеть.

Роман резко повернул голову и посмотрел на неё с таким изумлением, будто она предложила станцевать прямо в проходе. Однако паника в его глазах немного отступила.

— Не нужно анекдотов, — процедил он. — Просто... дайте мне минуту.

Кира не убирала руку. Она чувствовала, как напряжены

его мышцы под тканью пальто. Тогда она вытащила из сумки свой альбом для эскизов и простой карандаш.

— Смотрите, — сказала она, быстро чертя на чистом листе какие-то линии. — Вот это вы. А это кактус, которого вы так не любите. Видите, он колючий, но симпатичный. А это я — рисую себя с пледом в виде супергеройского плаща. Мы летим спасти «Дом Бадретдина» от устаревших логотипов.

Она рисовала быстро, нарочно смешно и неуклюже, чтобы отвлечь его внимание. Роман сперва смотрел на лист с плохо скрываемым скепсисом, но когда она пририсовала его фигурке крошечный галстук и злое облачко с надписью «Срежу бюджет!», уголок его губ дрогнул.

— Вы сумасшедшая, Соболева, — произнёс он, но в голосе не было злости. Скорее, усталое удивление.

— Официально — Семёнова, — напомнила она с улыбкой. — И да, немного. Зато я не боюсь летать.

Самолёт снова тряхнуло, но на этот раз Роман лишь крепче вцепился в подлокотник и шумно выдохнул. Кира не убирала альбом, продолжая рисовать и тихо комментировать свои каракули, пока турбулентность не закончилась. Когда табло «пристегните ремни» наконец погасло, он медленно разжал пальцы и откинулся в кресле, прикрыв глаза.

— Спасибо, — сказал он так тихо, что Кира едва расслышала.

— Не за что, босс, — отозвалась она, убирая альбом. — Считайте это частью моих ассистентских обязанностей.

Остаток полёта они провели в молчании, но это молчание было уже другим — не враждебным, а каким-то настороженно-спокойным. Кира смотрела в иллюминатор на проплывающие внизу огоньки и думала о том, что Роман Белов, кажется, только что позволил ей увидеть ещё одну свою трещину в броне. И почему-то это пугало её гораздо больше, чем любые его приказы.

Когда самолёт коснулся земли в аэропорту Казани, Роман уже полностью овладел собой. Он поправил галстук, одёрнул пальто и сказал деловым тоном:

— Нас встречают. Держитесь рядом, Семёнова. И постарайтесь не называть меня Терминатором при клиенте.

— Постараюсь, Роман Викторович, — ответила Кира, поправляя пучок на затылке. — Но ничего не обещаю.

Он хмыкнул — почти человеческий звук — и первым шагнул к трапу.

Кира подхватила чемодан и последовала за ним, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле. Впереди был чужой город, опасная игра и две недели в роли ассистентки самого загадочного мужчины из всех, кого она знала.

Приключение начиналось.

Глава 4. Командировка

Казань встретила их колючим, но по-весеннему свежим ветром и яркими огнями аэропорта. У выхода из зоны прилёта стоял мужчина в тёмной униформе с табличкой, на которой было выведено аккуратными буквами «INSPIRE». Он представился Айдаром, личным водителем господина Бадретдинова, и, почтительно склонив голову, подхватил их чемоданы. Кира невольно отметила, с каким достоинством держится этот немолодой уже человек, и ей вдруг стало неловко за свою легенду — она, якобы ассистентка, а ведёт себя как равная.

Дорога в отель пролегла через центр города. Кира прильнула к окну автомобиля, забыв на время о роли. Казань ночью была великолепна. Подсвеченный белоснежный Кремль, изящные минареты мечети Кул-Шариф, вонзающиеся в чёрное небо, величественный мост Миллениум, перекинувшийся через тёмную воду Казанки, — всё это складывалось в картину, от которой захватывало дух. Город дышал историей, но в то же время искрился современностью, и где-то здесь, среди этих улиц, прятался тот самый семейный бизнес, ради которого они сюда прилетели. Кира инстинктивно нащупала в сумке альбом для эскизов, пальцы зачесались от желания зарисовать увиденное, но она сдержалась.

Роман сидел рядом, прямой как струна, и что-то сосредото-

точенно читал в планшете. Однако Кира заметила, что его взгляд пару раз скользнул по панораме за окном, и на секунду в этих холодных серых глазах мелькнуло что-то похожее на интерес. А может, ей просто показалось.

Отель «Особняк на Пушкина» располагался в историческом центре, в старинном здании с отреставрированным фасадом и современной начинкой. Внутри пахло дорогим деревом и кофе, а за стойкой ресепшена сидел молодой администратор с идеальной улыбкой, которая, однако, слегка померкла, едва он поднял глаза на новых гостей.

— Добрый вечер, господин Белов, госпожа Семёнова, — зашебетал он, сверяясь с монитором. — У нас забронировано два стандартных номера на ваши имена, но... — он замялся, и его пальцы забегали по клавиатуре быстрее, — ...к сожалению, произошла техническая накладка. В связи с большим наплывом гостей мы вынуждены предложить вам... э-э-э... один номер категории «люкс». Он состоит из двух отдельных спален, общей гостиной и... и... в общем, всё на высшем уровне. Приносим глубочайшие извинения за неудобства, разница в стоимости будет компенсирована за счёт заведения, а также мы будем рады предоставить вам комплиментарный ужин.

Кира слушала и чувствовала, как у неё вытягивается лицо. Один номер на двоих? В одной гостиной? С Романом? Она быстро представила себе две недели в замкнутом пространстве с человеком, который бесит её одним своим видом, и ей

захотелось расхохотаться в голос.

Роман между тем оставался невозмутимым. Только щеки на скулах заходили ходуном.

— Мы бронировали номера заранее, — произнёс он ледяным тоном, который, казалось, понизил температуру в лобби на несколько градусов. — Мне нужны два отдельных номера. Это принципиально.

— Я всё понимаю, господин Белов, — администратор побледнел, — но свободных номеров в отеле действительно нет. Ближайшие гостиницы аналогичного уровня полностью заняты — в городе проходит крупный экономический форум. Люкс, поверьте, очень просторный, спальни изолированы, и вы почти не будете пересекаться...

Кира тронула Романа за рукав.

— Роман Викторович, — негромко сказала она, входя в роль ассистентки, — возможно, не стоит усугублять. Мы здесь по делу, а не для удобств.

Он метнул на неё быстрый взгляд, в котором смешались раздражение и что-то ещё — может быть, нежелание выставить напоказ их вынужденную близость. Но, помедлив пару секунд, кивнул администратору:

— Хорошо. Но если в ближайшие дни освободятся два номера, вы немедленно нас переселите.

— Безусловно, господин Белов! Благодарю за понимание. Вот ваши ключи. Пятый этаж, люкс «Восточный».

Номер оказался и вправду роскошным. Огромная гости-

ная с панорамным окном во всю стену, мягкие диваны, журнальный столик с вазой свежих фруктов, приглушённый свет. Две спальни расходились в противоположные стороны от общего пространства, каждая со своей дверью — уже хорошо. Кира было выдохнула, но тут её взгляд упал на дверь, ведущую в ванную комнату, которая примыкала к гостиной и, очевидно, была общей.

Дверь была стеклянной. Абсолютно, предательски прозрачной, от пола до потолка, без единой матовой полосы. Сквозь неё прекрасно просматривалась и душевая кабина, и отделанная мрамором ванна, и даже крючки для полотенец. Дизайнерский изыск, чтоб его.

Кира замерла, уставившись на эту дверь.

— Вы это видите? — тихо спросила она.

Роман, который как раз вносил свой портфель, остановился и проследил за её взглядом. Возникла пауза. Затем он произнёс ровным тоном, каким обычно зачитывают отчёты:

— Вижу. Очевидно, дизайнер перестарался.

— Перестарался?! — Кира резко обернулась. — Это не «перестарался», это катастрофа! Вы предлагаете мне мыться за стеклом, как экспонат в музее?

— Я ничего не предлагаю, — холодно ответил Роман и отвернулся, направляясь к одной из спален. — Думаю, мы достаточно взрослые люди, чтобы решить этот вопрос цивилизованно. Пока одна сторона пользуется ванной, другая находится в своей спальне. Или в гостиной с завязанными гла-

зами.

Кира открыла рот, чтобы возразить, но поняла, что все аргументы будут звучать глупо. В конце концов, он прав: они взрослые люди. Просто... это было так неловко, так нелепо, что хотелось одновременно и смеяться, и кричать.

— Отлично, — процедила она и подхватила свой чемодан. — Тогда я первая. И не вздумайте подсматривать, Белов.

— Не дождётесь, Соболева, — донеслось из-за двери его спальни.

Кира закатила глаза и решительно прошествовала в ванную, предварительно плотно задёрнув шторы в гостиной, чтобы хоть немного уменьшить эффект аквариума. Пока она торопливо принимала душ, стараясь не думать о том, что стекло абсолютно прозрачное и кто-то может случайно войти, в голове роились противоречивые мысли. Ситуация выходила из-под контроля. Она прилетела сюда работать, собирать материал для креативной концепции, а вместо этого вынуждена играть в дурацкие игры с человеком, который раздражает её до скрежета зубов. И всё же... В самолёте он был другим. И та трещина в его броне, которую она увидела, не давала ей покоя.

Когда Кира, закутанная в пушистый халат, выскользнула из ванной, в гостиной было темно, лишь горел торшер у дивана. Романа не было видно. Она быстро проскользнула в свою спальню, переоделась в уютный домашний костюм и собрала волосы в небрежный пучок. Спать не хотелось со-

вершенно. Город за окном манил огнями, а в голове теснились обрывки идей, которые она боялась упустить.

Кира накинула плед, который предусмотрительно захватила из дома, вышла на балкон и замерла, опершись о перила. Ночная Казань лежала перед ней как на ладони — золотые купола, подсвеченные башни, далёкий гул машин. Ветер трепал её волосы, принося запах весны и чужого города. Она глубоко вздохнула, пытаясь унять сумбур внутри.

Сзади тихо скрипнула балконная дверь.

— Не спится? — раздался голос Романа.

Она обернулась. Он стоял в дверном проёме, уже без пиджака, в расстёгнутой на две пуговицы рубашке, с закатанными до локтей рукавами. Без галстука, без своей привычной брони. В руке он держал две чашки с дымящимся чаем.

— Не спится, — эхом отозвалась Кира. — Решила подышать. Красивый город.

— Да, — неожиданно согласился Роман. Он подошёл ближе и протянул ей чашку. — Мятный. Помогает уснуть. Или, по крайней мере, не вредит.

Кира приняла чашку, и их пальцы на мгновение соприкоснулись. Искра. Она отдёрнула руку быстрее, чем следовало, и сделала вид, что поглощена чаем. Роман, кажется, ничего не заметил. Он встал рядом, опершись на перила, и устремил взгляд куда-то вдаль, на мечеть, чьи минареты серебрились в лунном свете.

Некоторое время они молчали. Это было странное мол-

чение — не враждебное, а скорее задумчивое, наполненное невысказанными вопросами. Кира смотрела на его профиль, на тени под глазами, на то, как устало он потёр переносицу, и вдруг решилась. Терять всё равно нечего. Они здесь вдвоём, вне офиса, вне привычных ролей.

— Роман Викторович, — начала она тихо, — можно вопрос? Не по работе.

Он насторожился, но кивнул:

— Задавайте.

— Почему вы ненавидите творчество?

Вопрос повис в воздухе тяжёлым облаком. Роман замер, и Кире показалось, что она слышит, как скрипят его мысли. Он медленно повернул голову и посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. В его глазах больше не было льда — только усталость и что-то похожее на старую, запятанную глубоко боль.

— Я не ненавижу творчество, — наконец произнёс он глухо. — Я просто не доверяю ему. Творчество — это прекрасно, когда за ним стоят деньги, ресурсы и чёткий бизнес-план. Но когда творчество становится самоцелью, оно способно разрушить всё, что построено годами. Я видел такое. Слишком близко.

Кира затаила дыхание. Он говорил о своём стартапе — она была в этом уверена.

— Вы говорите о «НейроДоме»? — тихо спросила она.

Роман резко выпрямился. Его лицо на мгновение искази-

лось — боль, гнев, удивление, — но почти сразу же он снова надел маску.

— Вы копались в моём прошлом, — это был не вопрос, а утверждение. Голос звучал холодно, но Кира уловила в нём предательскую дрожь.

— Я искала ответы, — честно сказала она. — После того, как вы разрубили мой проект, я не могла понять: что вы за человек? Я нашла статью. Про стартап, про предательство партнёра, про то, как всё рухнуло.

Роман отвернулся к перилам и стиснул челюсти так, что побелели костяшки пальцев на кружке. Молчание длилось целую вечность.

— Вы хотите знать, почему я такой? — наконец спросил он. — Пожалуйста. Пять лет назад я верил в идею. В то, что «умный дом» для больниц спасёт жизни, облегчит труд врачей, сделает медицину человечнее. Это было красиво, вдохновляюще, творчески. Я собрал команду, мы горели этим. А потом мой лучший друг и партнёр украл исходный код и продал его конкурентам. Разработчики уволились в один день, потому что он переманил их двойными ставками. Я остался с долгами, судами и разрушенной репутацией. И знаете, что самое смешное? Он сказал мне на прощание: «Рома, ты слишком много мечтаешь. Бизнес — это не искусство». — Роман горько усмехнулся. — С тех пор я предпочитаю цифры. Цифры не предают.

Кира слушала, и сердце её сжималось. Вот оно что. Не

«Терминатор», не бездушный робот. Раненый человек, который когда-то был таким же мечтателем, как она, но жизнь выбила из него веру.

— Мне жаль, — прошептала она. — Правда жаль. Но, Роман Викторович... то, что сделал ваш партнёр, — это не вина творчества. Это подлость конкретного человека. Вы не можете наказывать всех вокруг за его грех. И вы не можете наказывать себя.

Роман резко обернулся. В его глазах горел опасный огонь.

— Вы ничего не понимаете, Соболева, — проговорил он сдавленно. — Я не наказываю себя. Я просто не хочу повторять ошибок. Я отвечаю за людей, которые работают в «INSPIRE», за бюджеты, за клиентов. Эмоции — непозволительная роскошь. Творчество — это эмоции. Значит, творчество должно быть под контролем. Всё.

— Это неправда, — тихо возразила Кира. — Без эмоций, без души даже самый выверенный бизнес-план превращается в... в пустышку. Вы сами это знаете. Иначе зачем вы полетели сюда? Зачем взяли меня? Вы могли отправить сухие отчёты, аудит, фокус-группы. Но вы летите лично, потому что чувствуете: «Дом Бадретдина» — это не только цифры. Это история, люди, вкус, запах. Это творчество.

Он долго смотрел на неё, и в его взгляде читалась борьба. Затем он устало провёл ладонью по лицу.

— Возможно, вы правы, — неожиданно сказал он. — Возможно, именно поэтому я вас и терплю.

Кира моргнула. Что?!

— Вы... терпите меня? — переспросила она.

— Не обольщайтесь, — буркнул Роман, но уголок его губ дрогнул в подобии усмешки. — Просто вы единственный человек в офисе, который не боится говорить мне правду. Даже если эта правда обёрнута в колючки и механическую клавиатуру.

Кира не удержалась и фыркнула.

— Это почти комплимент, Белов. С вами явно что-то не так.

— С вами тоже, — парировал он. — Идите спать, Соболева. Завтра у нас сложный день. Встреча с клиентом в девять.

— Я помню. Спокойной ночи, Роман Викторович.

— Спокойной ночи, Кира.

Она замерла, не донеся чашку до губ. Он назвал её по имени. Не «Соболева», не «арт-директор» — просто Кира. Это прозвучало так неожиданно тепло, что у неё перехватило дыхание. Но Роман уже развернулся и ушёл в свою спальню, плотно закрыв за собой дверь.

Кира ещё долго стояла на балконе, глядя на огни Казани и прижимая к груди остывшую кружку. В её голове крутились обрывки разговора, его признание, его усталые глаза. Она поняла, что больше не может ненавидеть его. И от этого становилось только страшнее.

Наконец она вернулась в комнату, легла в кровать и уставилась в потолок. За стеной, в соседней спальне, Роман Бе-

лов, вероятно, тоже не спал. Их разделяли всего несколько метров, стена и целая пропасть прошлого, в которую Кира сегодня заглянула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.